

Михаил ЕСЬКОВ

«Не пиши для сытых»*

В студенческие годы я имел прибавку к стипендии, сотрудничая в газете «Молодая гвардия».

Публиковал там информации, репортажи и прочие «заметки». Одолевал как-то два очерка. С ними меня направили на областной литературный семинар.

Похвала там оказалась неожиданной, столь же неожиданным было и приглашение Евгения Носова под свое крыло: «Что напишешь, покажи мне». Радости было так много и так долго она не угасала, что я отважился сочинить первый рассказ. Евгений Иванович подсказал мне тогда, как лучше определиться с конструкцией рассказа, а самое главное, он глубоко прочувствовал мой материал и наглядно помог представить возможные действия моих героев в самых различных обстоятельствах. Меня, начинающего автора, удивило, как вдруг рассказ начал наполняться жизнью, обретать внутреннее движение, вроде ему предоставили сердце, мозг и другие необходимые принадлежности самостоятельной живой сущности.

Ну а затем была сельская больница, работа над диссертацией в институте – мне было не до литературы. И все же в какой-то продох я сочинил нечто, на мой взгляд, удачное и интересное. В то зацензуренное время популярностью пользовалась «Литературная газета» и ее шестнадцатая страница. Туда я и метил. Фабула моего опуса коренилась в часто встречающейся ситуации: после женитьбы за домашними заботами, серостью житейских будней совсем недавний кипятилок любви может очень быстро остыть. И что же? Неужто впереди долгие годы семейного оледенения? А чем жить?

Эту драму я и попытался изобразить. Мой герой не хотел мириться, что так неопозволительно скоро вычерпана любовь. И, чтобы жену заставить так же остро ощутить потерю любви, он, находясь в командировке, под видом художественного вымысла описал все свои переживания, стремясь приновить события поближе к конкретным, узнаваемым обстоятельствам. А уж без промаха встряхнуть жену он надеялся вымыслом случайного, но трепетного романа на стороне, дескать, вот до чего доводит семейный неуряд. Возвратясь домой, он вручил рукопись жене, попросил прочесть ее тотчас. И, не отходя от двери, в предвкушении ожидаемой реакции стал ждать припадков ревности, слез, крика. Должна же его исповедь пронять жену, если у нее осталась хоть капля прежних чувств, на самом-то деле, женившись – жаждешь любви, а не сожительства.

Через какое-то время жена вышла к нему и, словно ненужную тряпку, бросила рукопись в стоявшее в прихожей мусорное ведро, затем привычно напустилась:

– Ну чего стоишь столбом? Вынеси мусор да почини утюг. Без утюга – как без рук.

Рассказ я читал приятелям по институту, они были в восхищении. А один слушатель с высоким профессорским званием воскликнул: «Это шедевр!.. Как с меня списано. А название «Любовь и утюг» – прямо по Хемингуэю».

К Евгению Ивановичу я пришел под вечер. Жил он тогда в своем доме, и я застал его перед грубкой, на растопку он сноровисто в один взмах колом полешки до стружечной щепы, до тонкой лучины. Огонь с такими заготовками занимается быстро, без мороки.

Рассказ он просил оставить, а за ответом наведаться денька через два-три. Рассказ был небольшой, чтения всего-то на десять минут спрощала. Еще три, от силы пять минут уйдет на замечания, и я помчусь начисто печатать рукопись, чтобы заслать ее в «Литературную газету». Значительной работы с рассказом не предвиделось, ведь кому бы я его не читал, все хвалили. Естественно, хотелось мне поскорее услышать одобрение и от самого Евгения Ивановича. В общем, пустился я во все тяжкие, мол, трудно выкроить время, занят даже по выходным дням, стыдился лжи, а язык, однако, несправедливо кланчил ознакомиться с моим творением желательно сейчас.

Я видел, как нехотя Евгений Иванович приткнул топор к грубке и направился за стол, где лежала моя рукопись. Я понимал, что явился не ко времени: в доме хозяйничал неуютный уличный холодок. Но предвкушение благоприятного исхода с лихвой перекрывало робкие укоры совести. Я строил уже планы, что Евгений Иванович может черкнуть пару строк в газету, порекомендовать меня. Заводить речь об этом не стану, думаю, ему самому будет лестно представить удавшуюся вещь начинающего автора, своего выученика.

Сидел я, не шелохнувшись, даже дыханием боялся хоть как-то помешать чтению. Читал Евгений Иванович очень медленно, настолько медленно, что грешно подумалось: вовсе и не читает, лишь механически смотрит в бумагу, размышляя о чем-нибудь ином. Только спустя годы я свылся с манерой Носова не скользить по тексту, как по льду, не принимать слова походя, а опускать их в свою носовскую лабораторию на предмет качества и соответствия русской словесности, на предмет зримого колорита, на предмет музыкального звучания, на предмет... Одному Богу известно, по каким параметрам он исследовал слово в чужих и собственных произведениях. А то, что эти параметры обширны, критерии бескомпромиссны,